

Благодарная почва

Толстой Л. Н. Благодарная почва // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 тт. Т. 38. М.: Гос. изд. «Художественная литература», 1936. С. 31–36.
1910 г.

(Из дневника.)

Опять живу у моего друга Черткова в Московской губернии. Гошу по той же причине, по которой мы съезжались с ним на границе Орловской, и я год тому назад приезжал в Московскую. Причина та, что черта оседлости для Черткова – весь земной шар, кроме Тульской губернии. Вот я и выезжаю на разные концы этой губернии, чтобы видеться с ним.

Выхожу в 8–м часу на обычную прогулку. Жаркий день. Сначала иду по жесткой глинистой дороге мимо акации, готовящейся уже трещать и выбрасывать свои семена; потом мимо начинающей желтеть ржи, с своими чудными, все еще свежими васильками; выхожу в черное, почти все уж запаханное, паровое поле, направо пашет старик в бахилках сохой и на плохой худой лошади, и слышу сердитое старинное: «Вылезь!» с особенным ударением на втором слоге. И изредка: «У! Дьявол!» и опять: «Вылезь.... Дьявол.» Хотел поговорить с ним, но когда я проходил мимо его борозды, он был на противоположном конце полосы. Иду дальше. Впереди другой пахарь. С этим, должно–быть, сойду, когда он будет подходить к дороге. Коли сойду, то и поговорю с ним, если придется, думаю я. И как раз встречаемся с ним у дороги. Этот пашет плугом на крупной рыжей лошади, молодой, красиво сложенный малый, одет хорошо, в сапогах, ласково отвечает на мой привет: «Бог на помощь».

Плуг плохо берет накатанную дорогу, он переезжает ее и останавливается.

- Что же, лучше сохи?
- Как же, много легче.
- А давно завел?
- Недавно, да вот украли было.
- Как же нашли?
- Нашли, своей же деревни.
- Что же, и в суд подали?
- А то как же?
- Зачем же подавать, коли плуг нашелся?
- Да ведь вор.

– Что ж что вор, посидит в остроге, хуже воровать научится.

Серьезно и внимательно смотрит на меня, очевидно не отвечая ни согласием, ни отрицанием на новую для него мысль.

Свежее, здоровое, умное лицо с чуть пробивающимися светлыми волосами на бороде и верхней губе, с умными серыми глазами. Он заворотил лошадь, чтобы идти назад, но оставил плуг, очевидно желая отдохнуть и не прочь поговорить. Я взялся за ручки плуга и тронул потную, сытую, рослую кобылу. Кобыла влегла в хомут, и я сделал несколько шагов. Но я не удержал плуг, он выскочил, и я остановил лошадь.

– Нет, вы не можете.

– Только тебе борозду испортил.

– Это ничего, справлю.

Он осадил лошадь, чтобы взять пропущенное мною, но не стал пахать.

– На солнце жарко, пойдем в кустах посидим, – пригласил он, указывая на лесок вплоть у конца полосы.

Мы перешли в тень молодых березок. Он сел на землю, я остановился против него.

– Из какой деревни?

– Из Ботвиньина.

– Далече?

– Вон маячит на горке. – И он показал мне.

– Что же так далеко от дома пашешь?

– Да это не моя, здешнего мужичка, я нанялся.

– Как нанялся, на лето?

– Не, посеять нанялся, вспахать, передвоить, все как должно.

– Что же у него земли много?

– Да мер 20 высевает.

– Вот как, а лошадь это твоя? Хорошая лошадь.

– Да кобыла ничего, – говорит он с спокойной гордостью.

Кобыла, действительно, такая по ладам, росту и сытости, каких редко видишь у крестьян.

– Верно живешь в людях, извозом занимаешься?

– Не, дома, один и хозяин.

– Такой молодой?

– Да я с семи лет без отца остался, брат в Москве живет, на фабрике. Сначала сестра помогала, тоже на фабрике жила, а с 14-ти лет как есть один, во все дела, и работал, и наживал, – сказал он с спокойным сознанием своего достоинства.

– Женат?

– Нет.

– Так кто же у тебя по домашности?

– А матушка?

– И корова есть?

– Коров две.

– Вот как ! Сколько же тебе лет? – спросил я.

– Восемнадцать, – отвечал он, чуть улыбаясь и понимая, что меня занимало то, что он, такой молодой, так мог устроиться. И это, очевидно, было ему приятно.

– Какой еще молодой, – сказал я. – Что же и в солдаты придется?

– Как же, лобовой, – сказал он с тем спокойным выражением, с которым говорят про старость, про смерть, вообще про то, о чем рассуждать нечего, потому что оно неотвратимо.

Разговор наш, как и всегда в наше время разговоры с крестьянами, коснулся земли, и он, описывая свою жизнь, сказал, что земли мало, что если бы не работал где пешком, где на лошади, то и кормиться бы нечем. Но рассказывает он все это с веселым, радостным и гордым самодовольством. Повторил еще раз, что остался один хозяином с 14 лет и все один заработал.

– Ну, а вино пьешь?

Очевидно, ему неприятно было сказать, что пьет, но он не хочет сказать неправду.

– Пью, – сказал он тихо, пожимая плечами.

– А грамоте знаешь?

– Хорошо знаю.

– Что же, не читал книг о вине?

– Нет, не читал.

– Что же, а лучше бы не пить совсем.

– Известно, добра от него мало.

– Так и бросить бы.

Он молчит, и видно, что понимает и думает.

– Ведь можно, – говорю я, – а как хорошо бы. Вот я третёва дни ездил в Ивино, только подъезжаю к одному двору, а хозяин здоровывается со мною и называет меня по имени-отчеству. Выходит, что 12 лет тому назад мы виделись с ним. Это Кузин – знаешь?

– Как же. Сергей Тимофеич.

И я рассказываю ему, как с этим Кузиным 12 лет тому назад мы устроили общество трезвости, и с тех пор он, Кузин, хотя и пил прежде, перестал пить совсем.

– И вот теперь говорил Кузин мне, что только радуется тому, что отстал от этой пакости, – сказал я. – И живет, видно, очень исправно. И дом и все заведение. А не брось он пить, может и совсем не то бы было.

– Да, это точно.

– Так вот и тебе бы так. Такой ты малый хороший, к чему тебе вино пить, коли сам говорить, что от него никакой пользы нет. Брось и ты, и как хорошо будет.

Он молчит и во все глаза смотрит на меня. Я собираюсь уходить и подаю ему руку.

– Право, брось, вот с этого раза. Вот бы хорошо было.

Он сильной рукой сжимает мою руку, и, очевидно, в этом рукопожатии видит вызов на обещание.

– Ну что же, можно, – совершенно неожиданно, как-то весело и решительно говорит он.

– Неужели обещаешь? – говорю я с удивлением.

– А то что ж? Обещаю, – говорит он, кивая головой и чуть улыбаясь.

И по его спокойному звуку голоса, серьезному, внимательному лицу видно, что это не шутка и что он точно обещает и точно хочет исполнить то, что обещает.

От старости ли, от болезни или от того и другого вместе, я стал слаб на слезы; на слезы умиления – радости. Простые слова этого милого,

твердого, сильного человека, такого одинокого и такого, очевидно, готового на все доброе, так тронули меня, что я отошел от него от волнения не в силах выговорить слова.

Когда я оправился, отойдя несколько шагов, я повернулся к нему и сказал (я перед этим спросил, как его зовут):

– Так смотри же, Александр, не давши слова, крепись, а давши слово, держись.

– Да это уж как есть, верно будет.

Редко приходится испытывать более радостное чувство, которое я испытывал, отходя от него.

—

Я забыл сказать, что, разговаривая с ним, я предложил дать ему листков против пьянства и книжечек. Тех листков против пьянства, из которых один был приклеен в соседней деревне хозяином к наружной стене и был сорван и уничтожен урядником. Он поблагодарил и сказал, что зайдет в обед. В обед он не зашел, и, грешный человек, – мне пришло в голову, что весь разговор наш не был для него так важен, как мне показалось, и что ему и не нужно книг, и что вообще я приписал ему то, чего в нем не было. Но вечером он пришел, весь потный от работы и перехода. Проработав до вечера, он доехал домой, отпрег плуг, убрал лошадей и за четыре версты, бодрый, веселый, пришел ко мне за книгами. Я с гостями сидел на великолепной террасе перед разбитыми клумбами с урнами среди цветочных горок. Вообще среди той роскошной обстановки, за которую всегда стыдно перед людьми рабочего народа, когда вступаешь с ними в человеческие отношения.

Я вышел к нему и первым делом повторил вопрос: не раздумал ли? верно ли будет держать обещание? Опять с той же доброй улыбкой он сказал:

– А то как же, я и матушке сказал. Она рада, благодарит вас. –

За ухом у него я увидел бумажку.

– А куришь?

– Курю, – сказал он, очевидно ожидая, что я буду уговаривать его и это бросить. Но я не стал. Он помолчал и по какой-то странной связи мыслей, связь эта, я думаю, была в том, что, видя во мне сочувствие к своей жизни, он хотел сообщить мне то важное событие, которое ожидало его осенью, он сказал:

– А я вам не сказывал: меня уже сосватали. – И он улыбнулся, вопросительно глядя мне в глаза. – Осенью.

– Вот как! хорошее дело. Где берете?

Он сказал.

– С приданым?

– Нет, какое приданое. Девушка хорошая.

И мне пришло в голову сделать ему тот вопрос, который всегда занимает меня, когда имеешь дело с хорошими молодыми людьми нашего времени.

– А что, – спросил я. – Уж ты прости меня, что я тебя спрашиваю, но, пожалуйста, скажи правду: или не отвечай, или всю правду скажи.

Он уставил на меня спокойный, внимательный взгляд.

– Отчего ж не сказать.

– Имел ты грех с женщиной?

Ни минуты не колеблясь, он просто отвечал:

– Помилуй Бог, не было этого.

– Вот и хорошо, очень хорошо, – сказал я. – Радуюсь за тебя.

Говорить больше было сейчас нечего.

– Ну так вот я сейчас вынесу тебе книжки и помогай тебе Бог, – И мы простились.

Да, какая чудная для посева земля, какая восприимчивая. И какой ужасный грех бросать в нее семена лжи, насилия, пьянства, разврата. Да, какая чудная земля не переставая парует, дожидаясь семени, и зарастает сорными травами. Мы же, имеющие возможность отдать этому народу хоть что-нибудь из того, что мы не переставая берем от него, – что мы даем ему? Аэропланы, дреднауты, 30-тиэтажные дома, граммофоны, кинематографы и все те ненужные глупости, которые мы называем наукой и искусством. И главное, – пример пустой, безнравственной, преступной жизни. Да еще хорошо, если бы мы за то, что берем от него, давали бы ему только одни ненужные, глупые и дурные примеры. А то вместо уплаты хоть части своего неоплатного долга перед ним мы засеиваем эту алчущую истинного знания землю одними «терниями и волчцами», запутываем этих милых, открытых на все доброе, чистых, как дети, людей коварными умышленными обманами.

Да, «горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит».

Мещерское, 21-го июня 1910 года, –

Ясная Поляна, 9-го июля 1910 года.

Примечания

Очерк «Благодарная почва» был сначала стенографически записан А. Л. Толстой под диктовку Толстого, 21 июня 1910 г., в Мещерском (где он

гостил у Чертковых). Под этим числом в Дневнике записано: «Продиктовал свою встречу с Александром, как он сразу обещал не пить» (см. т. 58, стр. 68). В письме к Софье Андреевне от 22 июня 1910 г. Толстой сообщает: «Я тоже здоров. Вчера даже был необыкновенно здоров – много работал и книжки Ив. Ив. Горбунова и еще пустой рассказец той встречи и беседы с молодым крестьянином» («Письма Л. Н. Толстого к жене». Под редакцией А. Е. Грузинского. М. 1913, стр. 586). В дневнике В. Ф. Булгакова от 21 июня 1910 г. приводится его разговор Толстым о написанном накануне рассказе «Нечаянно», а затем следует: «Часа через два узнаю, что Л. Н. продиктовал Александре Львовне, которая записала стенографически новое небольшое произведение: разговор с крестьянским парнем. Видимо, его охватил такой счастливый творческий порыв. Конечно это (я уверен) – «следствие спокойной, тихой и в то же время богатой впечатлениями жизни в Мещерском» («Лев Толстой в последний год его жизни». Дневник В. Ф. Булгакова, изд. «Задруга», М. 1918, стр. 242).

Стенограмма этого рассказа, озаглавленного сначала «Из дневника», была переписана на машинке; эта машинопись, просмотренная и обработанная Толстым, была заново переписана на машинке и заново им исправлена 9 июля 1910 г., в Ясной поляне.

14 июля 1910 г. рассказ уже появился в газетах («Речь», «Русские ведомости», «Утро России») под заглавием «Из дневника», а ночью 15 июля Толстой написал особое заключение к нему. Об этом сообщается в дневнике А. Б. Гольденвейзера (от 15 июля): «Во время шахмат Лев Львович рассказал Льву Николаевичу, что в «Русских ведомостях» и в «Утре России» напечатан рассказ Л. Н-ча «Из дневника», разговор с крестьянином, написанный у Черткова. Л. Н. сказал, что как раз нынче ночью думал об этом рассказе и своим светящимся карандашом написал новое заключение к нему» (А. Б. Гольденвейзер, «Вблизи Толстого», II, М. 1923, стр. 122). Об этом же записано в дневнике В. Ф. Булгакова (от 19 июля): «К своему рассказу «Из дневника», только что напечатанному в газетах, Л. Н. написал заключение. Чертков посылает заключение в газеты, с припиской от своего имени о том, что напечатание его было бы желательно для Л. Н-ча. Л. Н. изменил приписку Черткова в том смысле, что Чертков считает заключение стоящим напечатания и потому посылает его в редакцию с разрешения Л. Н-ча. – Я больше на него сваливаю, – сказал мне Л. Н. – Пишу, что он считает эту вещь стоящей печати... Потому что я то не считаю ее такой. Вы покажите мою приписку Владимиру Григорьевичу: если хочет, пусть он ее примет, если нет, – пусть оставит по старому» («Лев Толстой в последний год его жизни Дневник В. Ф. Булгакова». М. 1918, стр. 268). См. т. 58, стр. 188–189

Эта запись В. Ф. Булгакова подтверждается рукописным материалом

В архиве В. Г. Черткова сохранился лист машинной копии этого «заключения». Тексту самого заключения предшествуют следующие слова В. Г. Черткова: «Господину Редактору Газеты. Лев Николаевич Толстой желает прибавить к напечатанному Вами на этих днях его очерку в №... Вашей газеты следующие заключительные строки». Эти слова зачеркнуты, а над ними написано рукой Толстого:

Въ тотъ самый день, когда я посылаю вамъ очеркъ Л. Н. Т. Изъ дневника, онъ написалъ заключеніе къ этому очерку. Думаю, что эти строки стоятъ напечатанія и потому посылаю ихъ вамъ, предоставляя вамъ съ разрешенія Л. Н. воспользоваться ими, какъ вы найдете нужнымъ.

На этомъ же листе сделана приписка рукой Толстого, исправляющая ошибку в тексте очерка:

Пользуюсь этимъ случаемъ для того, чтобы сообщить вамъ, что при переписке у насъ самага очерка произошла ошибка, на которую желательно указать, такъ какъ она искажаетъ смыслъ изложенія. А именно: вместо словъ: «Отпрегъ плугъ, убралъ лошадь и съ четверть версты, бодрый, веселый, пришелъ ко мне за книгами», – следуетъ поставить: «отпрегъ плугъ, убралъ лошадь и за четыре версты, бодрый, веселый, пришелъ ко мне за книгами».

Из пометки, сделанной на этомъ месте рукой А. П. Сергеенко, видно, что это «письмо в редакцію» было просмотрено и исправлено Толстымъ 18 июля 1910 г. Текст «Заключенія», вместе с сопроводительнымъ письмомъ от имени В. Г. Черткова (в несколько измененной по сравнению с предложенной Толстымъ формѣ, с датой – 24 июля 1910 г.), появился в газетѣ «Речь» от 27 июля (1910, № 203), под заглавиемъ: «Новый отрывок из дневника Толстого (Письмо в редакцію)».

В томъ же 1910 г. рассказъ, вместе с заключеніемъ, вышелъ отдельной книжкой: «Новые произведенія Л. Н. Толстого. Выпускъ шестой. Благодарная почва (Из дневника)», изд. «Посредникъ» № 826, М. 1910.

Печатаемъ статью по исправленной авторомъ корректурѣ, исправляя ошибки переписчиковъ, вкравшіеся в копии и затемъ в печатный текстъ.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

В Рукописномъ отделе ГТМ (АЧ, папка 139; инв. № 40) имеются следующие рукописи и корректуры очерка «Благодарная почва».

№ 1. Машинопись – копия со стенографической записи (сделанной А. Л. Толстой под диктовку Толстого): 7 листовъ обыкновенной писчей бумаги 4° и 1 листок почтовой бумаги с автографомъ-вставкой (начинается «Отъ старости ли», кончается: «я не могъ выговорить слова»), относящиеся в л. 7 копии. Начало: «Опять живу у моего друга Черткова»...: конецъ: ... отошелъ отъ него». Машинный текстъ без авторской правки.

Над текстомъ надпись рукой А. Л. Толстой (карандашомъ): «Из дневника. Июнь 10 г.» На обложке рукой А. П. Сергеенко (карандашомъ): «Из дневника. Черновик. 1 версия. 20 июня 1910 г.»

№ 2. Второй машинный экземпляръ той же копии, безъ первого листа, который перешелъ в следующую копию. 6 листовъ обыкновенной писчей бумаги 4°. Начало: «рыжей сытой кобыле». На обороте послѣдняго листа – новый автографъ, продолжающій текстъ копии и заканчивающійся на 2 листкахъ (отрезки линованной бумаги). Конецъ: «... лжи, насилія, пьянства, разврата». В тексте копии много авторской правки.

На обложке рукой А. П. Сергеенко: "«Из дневника». 21 июня 1910 г. Первый черновик. (Было записано под диктовку Льва Николаевича стенографически Александрой Львовной и потом переписано на машинке:)".

№ 3. Машинопись-копия, сделанная с рукописи № 2. 11 листов обыкновенной писчей бумаги 4°.

Новая авторская правка. Над текстом заглавие рукой Толстого: Изъ дневника. Под текстом рукой А. П. Сергеенко: «Написано было 21 июня 1910 г. в Мещерском, Моск. губ. П
Источник: <https://tolstoy-lit.ru/tolstoy/proza/blagodarnaya-roshva.htm>